

ОСОБЕННОСТИ УЙГУРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена особенностям уйгурской языковой картины мира сквозь призму пространственных характеристик. Предназначена для исследователей - тюркологов, аспирантов и студентов.

Особенности уйгурской интерпретации пространства помимо прочих аспектов включают систему синтаксических концептов и способы их выражения в реальной речи. Специфику уйгурской интерпретации пространства, как, и впрочем, других сфер, можно усмотреть во взаимосвязанном соотношении объективной реальности, данной для непосредственного восприятия в «этом подлунном мире» и неизменных константных ценностей самовосприятия и осмысления.

Внешний мир пропускается через «фильтр» уйгурской интерпретации локативных отношений. То, что столетиями особым образом укладывалось в системе координат данной интерпретации, как в особой кладовой отражает то, что уйгуры думают и делают в плане конструирования пространства вокруг себя. Что касается самого уйгурского языка, то в нем определенным образом получает свое отражение то, как происходит это самое осмысление и организация пространственных отношений.

Национальный культурный опыт и язык в конечном итоге продуцируют концептосферу уйгуроязычной языковой личности, своеобразие которой видится в особой двуплановости, ориентированной на реалии окружающей действительности (дунья), информация о которых перерабатывается средствами языка, а также непреходящие ценности (ахират), служащие по уйгурским представлениям главным мерилем всех действий человека. В зоне активного пересечения этих понятий и ценностей и располагается устойчивое ядро уйгурского национального видения пространственных отношений. Из него вытекают частнолокативные концепты, в том числе и синтаксические. Последние выражаются при помощи структурных схем в составе моделей коммуникативных единиц (предложений), которые образуют целостную подсистему со своими системными отношениями.

Пространственное мышление уйгуров, по всей видимости, отталкивается от способов обозначения сторон и частей человеческого тела. Мы имеем в виду те имена существительные, которые впоследствии стали основой для появления многочисленного разряда так называемых служебных имен (Н.К.Дмитриев). Слова-номинации частей тела человека благодаря феномену материальной конкретности мышления уйгуров на ранних этапах в порядке расширения смысла слов по ассоциации сходства и смежности постепенно могли быть перенесены на объекты реальной действительности. При помощи средств языка стали выражаться локативные отношения по типу «переда», «спины», «желудка» предметов. Такие процессы сопровождались метафоризацией передаваемого значения; ср.: йеза ичи «внутренняя часть села (букв.: села желудок)». Механизм

подобного переноса получил активное распространение и, очевидно, отличался высокой продуктивностью. Благодаря этому образность метафоры оказалась размытой, и в языке сложилась регулярно употребляемая подсистема средств выражения пространственных отношений. Относительно пространственных отношений произошло осмысление некоторого сдвига от человеческого тела, своеобразного отчуждения пространства. Например, семантика лексемы *ян* «бок, боковая сторона тела» стала восприниматься как «пространство рядом». В связи с этим обратимся к служебному имени *йениңизга* во фразе *Биз йениңизга маңдуқ* - Мы двинулись к Вам. Здесь говорится о движении по направлению к месту в пространстве рядом с некоторым человеком. Структурно *йениңизга* раскладывается на корень *ян-*, вежливую форму аффикса принадлежности 2 лица ед. числа –*иниз*, аффикса дательного-направительного падежа –*га*. Корева морфема указывает на то, что пространство рядом, лично-притяжательный аффикс принадлежности намечает конкретные координаты локума (рядом с Вами). Вместе с тем этот формант в сочетании с показателем дательного-направительного, который передает направление движения, создает эффект «субстантивированности» всей семантики словоформы: «то, что рядом с Вами». Этимологически это выглядит следующим образом: *бок=ваш >то, что рядом с Вами*.

Функциональное использование лично-притяжательных аффиксов принадлежности, преломляясь сквозь призму метафорического употребления оформляемых словоформ, способно сильно повлиять на семантику всей конструкции. Часто такое можно встретить в поэтическом синтаксисе. Чтобы проиллюстрировать данный тезис, обратимся к двум встречающимся вариантам одной строфы-куплета из популярной народной песни на любовную тематику:

Асминиңда ай болуп

Жими аләмни тәң көрсәм

Пияләңдә чай болуп,

Ләвлириңни көйдәрсәм.

Подобно луне в твоём мире (душе)

Увидеть бы весь мир (душу) твою.

Подобно чаю в твоей пияле,

Обжечь бы твои губы

Asmandiki ay bolup,

Jimi alemni tengkorsem.

Piyelengde chay bolup,

Levliringni koydersem

Вот бы увидеть весь мир

Подобно луне на небе.

Вот бы обжечь твои губы

Подобно чаю в твоей пияле.

Мы специально употребили два различных графических варианта, чтобы противопоставить данные два куплета. Нас, в первую очередь, интересует, как передаются в данных стихотворных текстах пространственные отношения при использовании лексического локализатора с формантом местно-временного падежа. В первом варианте локализатор *асминиңда* стоит в форме местно-временного падежа, но с аффиксом принадлежности 2 лица единственного числа -иң. Лично-притяжательный аффикс изменяет характер пространственных отношений, переводя их из плоскости физического внешнего мира в плоскость духовной жизни. По существу мы наблюдаем при этом запуск механизма метафоризации общего смысла конструкции в целом. В данном случае субъект локализации мыслится не на небосклоне как одна из планет, а в душе возлюбленной в качестве луча, высвечивающего весь ее мир. Данный вариант с чисто лингвопоэтической точки зрения хорошо ложится и в контексте морфемного (морфосинтаксического) параллелизма всей строфы:

Имя+афф. Принадлежности 2 л. Ед. ч.+афф. Местного падежа ай болуп,
(. . .).

Синтаксически активной формой передачи локативных отношений стал изафет. Изафетная схема активно употребляется на уровне словосочетаний как компонентов простого предложения и зависимых предикативных единиц как компонентов сложного (полипредикативного) предложения.

Таким образом, подсистема анатомических терминов послужила удобным основанием для развития в уйгурском (шире – тюркском) языке развитой системы средств выражения пространственных отношений. Человек ставил сам себя в центре подобных отношений.

Другим центром следует признать лексико-грамматическую природу предикатов как организующего ядра высказывательных структур с локативной семантикой. Именно они программируют как структуру, так и содержание высказываний. В них как в зародыше заложены компонентный состав формы и семантическая специфика предложений с пространственной семантикой. Такая особенность предикатной лексики обусловлена их валентностными качествами, которые специфичны, но могут и совпадать в родственных языках.

В нашем исследовании преследуется прежде всего цель описания организации формального устройства и содержательной структуры предложений как единиц языка, а не речи. Следовательно, нас интересует тот обязательный структурный минимум, без которого само предложение немислимо в качестве самодостаточной единицы. В рамках модели и/или гипермодели такой обязательный (облигаторный) структурный минимум тесно соотносится с конкретной пропозицией, которую мы понимаем в качестве мыслительной модели обозначаемой в предложении ситуации. В результате для нас модель - это двусторонний лингвистический знак. Для него характерна способность к активному варьированию, как со стороны формы, так и со стороны значения.

Со стороны формы мы различаем два типа варьирования модели, а именно парадигматическое и структурное варьирование. Парадигматическое варьирование подразумевает изменения по линиям категорий времени-наклонения, лица, модальности, аспекта, отрицания. Структурное варьирование можно проиллюстрировать на примере отношений модели N1-N5 – Бар сор и ее варианта N1 –N 5 сор. Следовательно, под структурным вариантом можно понимать возможность элиминации какого-либо облигаторного компонента (позиции) в составе модели.

Со стороны значения варьирование модели обусловлено характером лексического наполнения ее позиций: какие лексико-грамматические группы слов здесь возможны, а также тяготение к сфере употребления в плане функционально-стилевой дифференциации. Сюда же мы относим возможность метафоризации семантики модели.

Литература:

1. Абдуллаев С.Н. «Модели простого предложения в современном уйгурском языке». –Новосибирск, 1989.
2. Абдуллаев С.Н. «Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке». -Алма-Ата, 1993.
3. Мелиев К. «Вопросы казахского и уйгурского языкознания». -Алма-Ата, 1963.